

<https://super-conductor.blogspot.com/2013/03/concert-review-his-northern-soul.html>

Thursday, March 28, 2013

**Concert Review: His Northern Soul
Dmitri Hvorostovsky in recital at Carnegie Hall.**

by Ellen Fishbein

The baritone Dmitri Hvorostovsky is known for his theatrical spirit, as seen in Verdi roles on the stage of the Metropolitan Opera. But for Wednesday night's Carnegie Hall recital with accompanist Ivori Ilja he allowed a certain sweetness to emerge in this all-Russian program.

Sergei Rachmaninoff's songs glide from grandiosity to the tenderest edges of the musical palette. Drawing inspiration from his chosen composer (and perhaps acknowledging the critiques of his own bombastic style), Mr. Hvorostovsky opened this recital with the composer's "My child, you are beautiful as a flower," (Op. 8 No. 2), sung with a loving sweetness. The words floated from his lips as if he could sing them in no other way.

The singer allowed his more familiar theatrical side to emerge during the remainder of the Rachmaninoff set. He delivered soulful characterizations of a beggar ("At the gates of the holy cloister") and a tormented lover in "Sad Night." But the sensitivity was also present, as Hovorostovsky punctuated Rachmaninoff's melodies with a compelling intimacy. He did not take for granted the opportunity to sing entirely in his native tongue; Russian speakers in the audience will remember the honesty and urgency with which he sang phrases like, "Kak razskashesh 'ty" ("How can you express it?") and "Ja zhdu tebjja!" ("I'm waiting for you!").

Perhaps the finest single aspect of the Rachmaninoff set was how perfectly the duo was paired. Each time Ivori Ilja released a phrase from the piano, it seemed to live and breathe beside Hovorostovsky's melody. In Op. 21 No. 7, "How fair this spot," and Op. 21 No. 5, "Lilacs," Mr. Ilja truly suspended time. The piano, beneath his touch, filled the hall with palpable warmth.

The recital's second half comprised selections from Georgy Sviridov's song cycle "Petersburg," which the composer wrote for Mr. Hovorostovsky. The cycle's familiar Eastern-European melodic patterns and Russian Revolution-era text drew knowing nods and tears from the audience, many of whom seemed to share the soloist's memories of Soviet communism.

Mr. Hovorostovsky delivered those emotions without ostentation. He permitted the icy stoicism and pathos of the composition to lead him, and it showed: long notes in the Sviridov were pure and haunting, a contrast to those in the Rachmaninoff, which changed shape and color as they were held. Mr. Hovorostovsky phrased the Sviridov pieces (especially the final song, "The Virgin in the City,") so strikingly that each moment held surprise even when one followed with a libretto.

The recital couldn't end without a performance of Rachmaninoff's "In the Silence of the Night," which Mr. Hovorostovsky and Ilja chose as their first encore. For his last two encores, Hovorostovsky left the pianist backstage. He sang two beautiful, little-known Russian folk melodies without accompaniment. He ended with the same heartbreaking sweetness and emotional immediacy with which he began. The performance certainly deserved the bundle of roses that a very young audience member, accompanied by her mother, brought to the stage at the end.

28 марта 2013 Элен Фишбейн

Рецензия на концерт: Его северная душа

Сольный концерт Дмитрия Хворостовского в Карнеги-Холл.

Баритон Дмитрий Хворостовский известен своей театральностью, как например, в вердиевских партиях на сцене Метрополитен-опера. Но на сольном концерте в Карнеги-Холл в среду вечером с аккомпаниатором Ивари Илия он позволил проявиться определённой нежности в полностью русской программе.

Романсы Сергея Рахманинова плавно движутся от грандиозности к самым нежным граням музыкальной палитры. Черпая вдохновение у выбранного им композитора (и, возможно, признавая критику его собственного высокопарного стиля), господин Хворостовский открыл этот концерт песней "Дитя, как цветок ты прекрасна" (соч. 8 № 2), исполненной с любовной нежностью. Слова слетали с его губ естественно, словно он не мог петь их иначе.

В остальных рахманиновских романсах певец позволил проявиться своей более привычной театральной стороне. Он дал проникновенные характеристики нищему ("У врат обители святой") и измученному любовнику ("Ночь печальна"). Но чувственность также присутствовала, поскольку Хворостовский подчёркивал мелодии Рахманинова с убедительной интимностью. Он сполна пользовался возможностью петь исключительно на своём родном языке; русскоговорящие слушатели запомнят, с какой искренностью и напором он пел фразы "Я опять одинок" и "Я жду тебя!".

Возможно, самым прекрасным аспектом рахманиновской части было то, насколько идеален был сам дуэт. Каждая фраза Ивари Илия на фортепиано словно жила и дышала вместе с мелодией Хворостовского. В соч. 21 № 7 "Здесь хорошо" и соч. 21 № 5 "Сирень" мистер Илия действительно остановил время. Фортепиано под его прикосновениями наполняло зал ощутимым теплом.

Вторая половина концерта состояла из песенного цикла Георгия Свиридова "Петербург", написанном композитором для господина Хворостовского. Знакомые восточноевропейские мелодии цикла и текст эпохи русской революции вызвали понимающие кивки и растрогали зрителей, многие из которых, казалось, разделяли воспоминания солиста о советском коммунизме.

Мистер Хворостовский передал эти эмоции без показухи. Он позволил ледяному стоицизму и пафосу композиции вести его, и это проявилось: длинные ноты в Свиридове были чистыми и непостижимыми, в отличие от нот в Рахманинове, которые меняли форму и оттенки по мере их удержания. Господин Хворостовский так поразительно фразировал песни Свиридова (особенно финальную песню "Богоматерь в городе"), что каждый момент становился неожиданным, даже когда следил за либретто.

Концерт не мог закончиться без исполнения "В молчаньи ночи тайной" Рахманинова, выбранной Хворостовским и Илия в качестве первого биса. Для двух последних бисов Хворостовский оставил пианиста за кулисами. Он спел две прекрасные малоизвестные русские народные мелодии без аккомпанемента. И закончил с той же пронзительной нежностью и открытостью, с которой начал. Выступление, безусловно, заслуживало букета роз, который в самом конце в сопровождении своей мамы принесла на сцену совсем юная зрительница..

Перевод с английского Н.Тимофеева